

СТАРОВОЙТОВА ОЛЬГА АЛЬБЕРТОВНА

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия
o.starovoytova@spbu.ru, ostarovo7@rambler.ru

НОВЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ: ПРОБЛЕМА РЕДКИХ СЛОВ¹

Рост интереса к лексикографии в современной филологической науке обусловлен не только ее практическо-прикладным характером, но и важностью теоретических проблем, превративших ее в последние десятилетия в исследовательскую область языкознания. Обращение к историческим словарям русского языка позволяет не только получить представление о лексической системе языка в разные периоды ее существования, но и способствует – благодаря изучению системы языка в ее динамике – пониманию сложных процессов формирования и развития словаря русского языка, а также решению проблемы взаимодействия языка и общества в ее разных аспектах (см. обзор литературы в: Богатова 1984: 3–12).

В ряду имеющихся исторических словарей русского языка на сегодняшний день наблюдается лакуна, которую должен заполнить «Словарь русского языка XIX века» (научный проект, реализуемый в Институте лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург). Отбор единиц для его словника в соответствии с общей концепцией и задачами словаря представляет собой одну из первостепенных проблем, требующих разрешения. Проект «Словаря русского языка XIX века» (Словарь 2002) и последующие публикации участников авторского коллектива (Калиновская 2006: 7–16; Приемышева 2006: 165–172; Старовойтова 2008: 201–207) с разной степенью подробности и применительно к разным языковым явлениям останавливаются на путях ее решения.

Общий принцип создаваемого словаря – в соответствии с концепцией исторического словаря, в котором не должно быть «резкого отграничения узуального от окказионального» (Сорокин 1977: 13), – может быть охарактеризован как преодоление ригоризма отказывающегося от многих лексических новообразований нормативного словаря. Тем не менее вопрос включения отдельных конкретных единиц не может считаться однозначно решенным, в первую очередь это касается окказиональной, индивидуально-авторской и малоупотребительной лексики. Так, например, трудно согласиться со следующим замечанием: «качучемания – ‘страстное увлечение качучей’ – важно в историко-культурном аспекте: начиная с 30-х гг. качуча – испанский народный танец, исполняемый с кастаньетами под музыку, – был очень популярен в России, что нашло отражение в письмах Н.Н. Греча, А.И. Герцена, рассказах А.П. Чехова. Оно также характеризует словообразовательные тенденции XIX в.: высокую

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант №14-04-00388 «Дифференциальный словник “Словаря русского языка XIX века” (буквы М–Н–О)».83

продуктивность словосложения с компонентом *–мания*. С другой стороны, представляется нецелесообразным включение слова *марсомания*, употребленного А.И. Герценом для усиления образности текста» (Волков и др. 2004: 30–31). Слово *марсомания* является не менее важным в историко-культурном аспекте, а его социокультурное значение подтверждается в том числе и предпринятой попыткой визуализации данного понятия в известной картине А.В. Устинова «Мирная марсомания» (кон. 1840-х – нач. 1850-х гг.).

Исследования в области современной лексикографии отмечают особую активность при описании лексического состава русского языка «в маргинальной/периферийной его части. Здесь имеется в виду не только маргинальность как социальная характеристика, но и характеристика слова по частоте употребления» (Шаповал 2004: 41). В исторической лексикологии и лексикографии проблема употребительности (частотности) слов является чрезвычайно важной. Неслучайно в научной литературе отмечается проблема, которую создает «шлейф малочастотного материала, отброшенного по причине слабой документации» (Шаповал 2016: 73), и указывается важность фиксации подобного материала для истории языка (Костючук 2009). Слова уникальной фиксации называются термином *гапакс* (или *уникализм*); лексикологам хорошо известно, что гапакс может перейти в разряд малоупотребительных слов при обнаружении или введении в научный оборот новых источников (Цейтлин 1977: 40–41).

Поскольку в нашем исследовании речь идет об историческом словаре, невозможно обойти проблему малоупотребительных слов или гапаксов. Особенно важно ее рассмотрение в связи с базовыми установками нового лексикографического проекта: словарь языка XIX века задумывался и создается как *системный*: он должен быть собранием не случайных лексических единиц, а языковых фактов, отражающих регулярный характер происходивших в лексике соответствующей эпохи изменений.

Таким образом, основным условием включения гапакса в словарь является его встраиваемость в систему языка.

Одним из признаков, отвечающих данному положению, является соответствие типичным или активно формирующимся словообразовательным моделям. Приведем несколько примеров.

(1) *На это указание <касательно населения Австралийских островов> было замечено, что страдание народа от недостатка акклиматизованности обыкновенно увеличивается, когда судьба или обстоятельства приводят в ту же страну представителей племени более пригодного для акклиматизирования; такой факт мы замечаем напр. Во всех Индийских бывших португальских колониях, где Португальцы стали заметным образом вымирать, едва прибыли туда англичане* (Майков 1877: 19–20)²;

(2) *Возможно, что, в виду большей вселенной аккумуляционности около солнца, то, что у нас при некоторой температуре газообразно или жидко, там твердо, что там приведено в газообразное состояние, то у нас пока неуловимо обретаётся в остаточном хаосе* (Глебов 1908: 196);

(3) *Как бы то ни было, но от «Записок охотника» в общем (а их и надо ценить в общем, как цельную картинную галерею) действительно веет протестом не то чтобы именно против крепостного права, а против всей болотности тогдашнего склада помещичьей жизни; протестом, смягченным кровными связями автора с этим бытом и акварельною манерою писания* (Михайловский 1989: 240).

Уникальные лексемы *акклиматизованность* (пример 1), *аккумуляционность* (пример 2) и *болотность* (пример 3) представляют собой отвлеченные субстантивы. Интенсивный процесс сложения литературного языка нового времени требовал расширения круга отвлеченной лексики (на настоятельную потребность создания «метафизического» языка указывал, например, В.Г. Белинский).

² Примеры из дореформенных изданий приводятся с изъятием ера и ятя, орфография и пунктуация источника сохранена.

Лексическая система русского языка нового времени, как известно, пополнялась благодаря заимствованиям и активным словообразовательным процессам. Механизм адаптации заимствований предполагал в том числе и использование подобных слов в качестве производящей базы для новообразований. Лексические новации XIX века *акклиматизация* и *аккумуляция* стали вершинами быстро формировавшихся соответствующих словообразовательных гнезд, включающих слова разных частей речи – имена существительные, прилагательные, глаголы (напр., *акклиматизирование*, *акклиматизировывать*, *акклиматизационный*, *акклиматизировальный*; *аккумуляировать*, *аккумуляционный* и нек. др.).

С помощью суффикса *-ость* в русском языке уже более пятисот лет оформляются существительные с семантикой отвлеченного (непроцессуального) признака, состояния или качества. Замечено, что в отличие от иных суффиксов отвлеченного признака, состояния или качества *-ость* не имеет «омонимичного ему суффикса с каким-либо иным значением» (Винокур 1969: 20). Подобное свойство послужило причиной проникновения образований на *-ость* в деловой и научный стили речи, которые стремятся к недвусмысленности изложения содержания и однозначности его понимания. По наблюдениям Ю.С. Сорокина, на рубеже XVIII–XIX вв. «многие новообразования на *-ость* от существующих слов претерпели терминологизацию» (Сорокин 1965: 84), что наглядно представляют имена существительные *акклиматизованность* и *аккумуляционность*. Таким образом, системные по своей сути существительные с семантикой отвлеченного признака (состояния, качества) *акклиматизованность* и *аккумуляционность*, несмотря на уникальность по частоте употребления, вне всякого сомнения требуют обязательного лексикографирования.

«Слово возникает и живет не только в определенной языковой среде. Оно связано непосредственно с историей культуры носителей языка, с историей цивилизации...» (Богатова 1984: 95). Данный тезис применительно к историческому словарю становится одним из важнейших аргументов в пользу включения в состав словника единиц, целесообразность описания которых в словаре вызывает сомнение по ряду иных параметров, в частности по их употребительности. Проиллюстрируем данное утверждение на примере уже указанных выше слов *акклиматизованность* и *болотность*.

Акклиматизация растений и животных, а также человека стала важнейшей проблемой существования благодаря активному переселению в XIX веке людей, освоению ими новых территорий, а также решению насущных сельскохозяйственных задач. Идея приспособления живого организма к существованию в новых условиях, ее колоссальное практическое значение, участие в процессе акклиматизации растений и животных не только профессионалов, но и любителей, направляющих процесс и способствующих ему, оказалась чрезвычайно актуальной в российской жизни XIX века, найдя свое выражение в языке в лексических единицах с заимствованным элементом *acclimat-* (об этом см. подробнее – Старовойтова 2012: 218–235). Понятие *акклиматизованность* дополняет быстро сформировавшееся и разветвленное словообразовательное гнездо, составляющие которого достаточно широко распространены в русском языке XIX века благодаря отражению с их помощью в языке характерных для описываемой эпохи и уровня развития цивилизации феноменов.

Отвлеченное существительное *болотность* связано с прилагательным *болотный* и существительным *болото*. Семантический сдвиг у существительного *болото* хотя и отмечен в «Словаре русского языка XVIII в.»: «*Образно*. Я вам говорю в глаза, что вы в таком болоте безотчетностию вашею, из коего вам вовек не выдраться. Држ.» (Словарь XVIII 1985: 100), однако до конца XIX века словари не фиксируют переносного значения лексемы, да и тогда академический словарь в качестве переносного указывает весьма непривычное значение лексемы: «Место, учреждение, где беспорядок, хаос» (Словарь 1895: 236). Лишь словарь под ред. Д.Н. Ушакова дает то переносное значение: «*перен*. Все, что характеризуется косностью, застоєм, отсутствием живой деятельности и инициативы (разг.)» (Ушаков 1935: 168), которое оценивается исследователями как одно из обобщенных переносных значений,

свойственных географическим объектам, – «об обстановке, среде, которая засасывает человека, о средоточии низменных интересов, пороков» (Харченко 2009: 59). Именно в XIX веке на этой привычной и типичной реалии славянского ландшафта (Болото 1995: 228–229) остановился критический взгляд современника, чтобы с ее помощью описать картину «гнусной российской действительности». Мотивированная этим словом лексема *болотность* без сомнения оценочна и представляет собой яркую образную характеристику определенного социального явления – *болотность тогдашнего склада помещичьей жизни*.

Можно также предположить, что новообразование выступает как компрессив по отношению к сочетаниям типа *болотная застойность*, *болотная стоячесть*, *болотная заплесневелость* и им подобным: «Справедливость требует согласиться, что, в свое время, этот псевдоромантизм принес великую пользу литературе, освободив ее от болотной стоячести и заплесневелости и указав ей столько широких и свободных путей» (Белинский 1860: 307). Отвлеченное существительное *болотность* вбирает в себя разнообразные особенности и признаки, присущие понятию «болото», будь то застойность или воплощение зла: «противоположности между тем прекрасным и светлым миром, где живет его <Полонского> муза, и той «суровую глубиною» действительной жизни, где сплетаются болотные растения зла своими «змеиными корнями» (Соловьев 1896). Представляя реализацию соответствующей словообразовательной модели, лексема *болотность* наглядно иллюстрирует результат ментализации идеи в определенной грамматической форме: отвлеченное имя является предметом мысли, а не предметом восприятия, оно – идеальный, невидимый феномен. Именно в такой форме явление приобретает обобщенный характер.

Сейчас очевидно, что в форме словаря можно представить не только факты того или иного языка, но практически весь мир понятий, окружающих нас (Герд 1997). Достоинством лексикографии считается способность углубить наши представления о мире и дать объективную картину действительности. Данное положение проиллюстрируем еще несколькими редкими (уникальными) словами, обнаруженными в текстах XIX века, включение которых в словарь может вызывать сомнения.

«Отдельные статейки Бриссона не рисуют цельной физиономии изображенной им личности, а в большинстве случаев отмечают лишь какую-нибудь характерную подробность, налагающую печать «парижанства» на журналиста, писателя, актера. Из всех этих мелких черт складывается любопытный очерк интеллектуального Парижа со всем тем, что в нем есть отличного от всякого другого европейского центра...» (З.В. 1895: 881). В данном контексте употреблено производное слово *парижанство*, значение которого можно сформулировать как ‘стиль, дух парижской жизни’ и оценочность которого следует определять как нейтральную.

С приведенным существительным *парижанство* формально – поскольку он соотносится с понятием *парижской* моды – имеет связь также уникальный глагол *парижанствовать*, использованный известным комедиографом А.А. Шаховским в пьесе «Урок кокеткам, или липецкие воды» (1815 г.): *Мы только русскими успеем в свет родиться, Как в иностранцев нас начнут перерождать. Но кажется, теперь нам можно предсказать, Что парижанствовать недолго будет мода* (Шаховской 1961: 219). Однако говорить об отношениях словообразовательной производности между названными существительным и глаголом кажется нецелесообразным, тем более что глагол с большой долей вероятности может быть причислен к разряду т. н. слабо документированных слов, которые определяются следующим образом: «если употреблений несколько, но они не дают полной информации о слове или часть из них вызывает сомнение» (Шаповал 2016: 65).

Не менее любопытный и более сложный для интерпретации случай представляет собой еще одно обнаруженное в XIX веке употребление лексемы *парижанство*: *Трудно проповедывать против парижанства. у вас в России двор не говорит иначе, как по-французски, одеваетесь вы по-французски и проч.* (Аксаков 1892: 131–132).

Ориентируясь на более широкий контекст по сравнению с приведенным выше, оставим в стороне в принципе возможную трактовку данного существительного как собирательного (эта группа слов характеризовалась высокой употребительностью в русском языке XIX века, например, *авторство*, *актерство*, *театральство* и т. п.). В приведенном примере из дневника И.С. Аксакова речь, как нам кажется, идет о французском влиянии на русскую культуру, ранее в тексте читаем: *Влияние Франции очень сильно, как политическое, так и нравственное, влияние моды*. (Аксаков 1892: 127). В системе русского языка для описания влияния одного этноса на другой традиционно используются глаголы, мотивированные этнонимом – названием национальности, образованные по типичной для системы русского глагола словообразовательной модели образования переходных глаголов от имен существительных и прилагательных посредством приставки *о-* (*об-*) (Земская 1973: 87) и имеющие значение в соответствии с семантикой приставки ‘превращение в кого-, что-л., придание каких-л. Свойств, качеств, становление каким-л. (в результате действия)’ (Словарь 1986: 518), например, *офранцузить*, *офранцузивать* (значительно реже используются бесприставочные глаголы типа *французить*). Распространение подобных глаголов в русском языке XIX века, их активное включение в словообразовательные процессы привело к появлению имен существительных, обозначающих отвлеченные понятия, названия учений, общественных, политических, научных взглядов и направлений, склонности к чему-нибудь (в картотеке словаря представлены, например, *американизм*, *болгаризм*, *китаизм*, *мадьяризм*, *полонизм*, *русизм* и нек. др.).

Рассматриваемая лексема *парижанство* представляет несколько иной случай, когда в качестве производящей базы используется не этноним (название этноса), а топоним – название столицы государства: *Париж* → *парижанство*. Эта номинация тесно связана с историей русской культуры, характеризуя хорошо известный феномен французского влияния на российскую культуру: *Россия все <речь идет о просвещении – О.С.> получила извне; оттуда это чувство подражательности, которое самому таланту приносит в дань не удивление, но раболепство; оттуда совершенное отсутствие всякой свободы и истинной деятельности* (Веневитинов 1862: 165). Таким образом, в системе языка наблюдается определенная лакуна: **французизм* (**французество*) ← (*о*)*французить* ← *француз* – в словообразовательной цепочке отсутствует наименование учения (взглядов или направления, склонности), которое в силу определенных обстоятельств представляет историческую и понятийную ценность. Такая лакуна неизбежно должна была быть заполнена. Для рассматриваемой ситуации заполнение идет за счет лексем, образованных от другого корня или по иной модели (некоторые имеют оценочный характер): *галлицизм* (Н.М. Карамзин, Н.И. Надеждин), *галломания* ‘пристрастие ко всему французскому (Даль 1863: 302; Словарь 1895: 771), *французомания* – «*Французомания сильна. Обожание Парижа точь в точь как у Московских барышень времен Грибоедова*» (Аксаков 1892: 130). По-видимому, лексему *парижанство* также можно рассматривать в данном ряду. Говорить о ее оценочности трудно, хотя с учетом исторического контекста (пагубность французского влияния на российскую жизнь и культуру, по поводу которого высказывались многие деятели XIX века, например, А.А. Шаховской в уже упоминавшейся комедии «Урок кокеткам, или липецкие воды»: *Уж видят наконец, что вовсе нет добра Быть обезьянами вертляного народа* (Шаховской 1961: 219)) можно было бы предположить ее употребление с оттенком неодобрения. Кроме того, стоит учитывать то обстоятельство, что: «новые экспрессивные <...> лексические средства нередко рекрутируются из числа редких, малоизвестных слов» (Шаповал 2004: 42).

Таким образом, лексемы *парижанство* и *парижанствовать* являются наглядным примером аморфности и диффузности формирующихся в XIX веке значений слов. Их незавершенность в силу ряда внутриязыковых и внеязыковых причин ни в коей мере не должна препятствовать включению указанных слов в словарь языка XIX века.

Изучение проблемы редких (уникальных) слов, выявленных в разнообразных по жанру источниках XIX века, подтверждает необходимость индивидуального подхода к подобным

лексическим единицам. Одним из объективных критериев отбора единицы для включения ее в словарь является, как было показано выше, мультифакторность, т. е. совмещение в одной лексической единице нескольких факторов, проявляющих ее системный характер, – например, образование по активной словообразовательной модели, достраивание словообразовательного гнезда, представление аккумулятивных «фоновых знаний». Важность последнего фактора для исторического словаря связана с тем, что человеческая речь испытывает влияние исторической эпохи и общественной среды, в которой функционирует язык, поэтому фиксация лексики, отражающей дух эпохи, имеет непреходящее значение. Все это способствует осуществлению основной цели исследовательского проекта «Словарь русского языка XIX века» – заново «открыть» XIX век для современника.

«Лексикографическая параметризация языка» – экстраполяция в словарь результатов анализа самых разнообразных языковых явлений – была и остается одной из важнейших лингвистических задач, и в этом смысле серьезный и вдумчивый подход к уникальным или редкоупотребительным словам способствует ее успешному решению.

Литература

1. Аксаков И.С. Дневник во время путешествия по Славянским землям // Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. 3. Письма 1851–1860. М., 1892. С. 107–153.
2. Белинский В.Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья четвертая // Сочинения В. Белинского. Ч. 8. М.: Издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина, 1860. С. 300–338.
3. Богатова Г.А. История слова как объект русской исторической лексикографии. М.: Наука, 1984. 255 с.
4. Болото // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого. Т. 1 (А–Г). М.: Международные отношения, 1995. С. 228–229.
5. Веневитинов Д.В. Несколько мыслей в план журнала // Полное собрание сочинений Д.В. Веневитинова / изд. под ред. А.Н. Пятковского. СПб., 1862. С. 164–169.
6. Винокур Т.Г. о семантике отглагольных существительных на *-ние*, *-тие* в древнерусском языке // Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка. М.: Наука, 1969. С. 3–28.
7. Волков С.С., Дягилева И.Б., Калиновская В.Н., Приёмышева М.Н., Старовойтова О.А., Эзериня С.А. Словарь русского языка XIX в.: проблемы и перспективы // Русский язык XIX в.: проблемы изучения и лексикографического описания: Материалы Первой Всероссийской научной конференции, проходившей 19–21 октября 2004 г. в Санкт-Петербурге. СПб.: Наука, 2004. С. 27–37.
8. Герд А.С. к определению понятия «словарь» // Проблемы лексикографии. Сборник статей. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. С. 191–203.
9. Глебов Н. Координаты. Введение. СПб., 1908. 553 с.
10. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 1 (А–З). М., 1863.
11. Z.V. *Adolphe Brissou*. Portraits intimes. Paris (Новости иностранной литературы) // Вестник Европы. Кн. 12 декабрь, 1895. С. 881–886.
12. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М.: Просвещение, 1973. 304 с.
13. Калиновская В.Н. «Словарь русского языка XIX века»: проблемы формирования дифференциального словника // Русский язык XIX века: от века XVIII к веку XXI: Материалы II Всероссийской научной конференции (Санкт-Петербург, 17–20 октября 2006 г.) / Отв. ред. С.С. Волков, О.А. Старовойтова. СПб.: Наука, 2006. С. 7–16.
14. Костючук Л.Я. От соблюдения принципа полноты при сборе и обработке материалов народной речи к интерпретации 449 уникальных фактов (к специфике работы над Псковским

- областным словарем и Лексическим атласом русских народных говоров) // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. 2009. №3. С. 83–86.
15. Майков В.Н. Антропология и Этнология на Парижском конгрессе географических наук (читано в Общем Собрании 3 декабря 1875 года) // Географические известия. Т. XII, вып. первый. 1876. Известия Императорского русского Географического общества. Т. 12. СПб., 1877. С. 1–27.
16. Михайловский Н.К. О Тургеневе // Литературная критика: Статьи о русской литературе XIX – начала XX века / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. Б. Аверина. Л.: Худож. лит-ра, 1989. С. 235–258.
17. Приемышева М.Н. Проблема отражения лексики социальных групп в «Словаре русского языка XIX века» // «Русский язык XIX века: от века XVIII к веку XXI»: Материалы II Всероссийской научной конференции (Санкт-Петербург, 17–20 октября 2006 г.) / Отв. ред. С.Св. Волков, О.А. Старовойтова. СПб.: Наука, 2006. С. 165–172.
18. Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотипн. Т. 2 (К–О). М.: Русский язык, 1986. 736 с.
19. Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Имп. Академии наук. Т. 1. СПб., 1895.
20. Словарь русского языка XVIII в. Вып. 2 (Безпристрастный–Вейэр). Л.: Наука, 1985. 247 с.
21. Словарь русского языка XIX в. Проект. СПб.: Наука, 2002. 209 с.
22. Соловьев В.С. Полонский (1896) // Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.ruscorgora.ru](http://www.ruscorgora.ru) (дата обращения: 01.05.2016)
23. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX века. М.; Л.: Наука, 1965. 565 с.
24. Сорокин Ю.С. Что такое исторический словарь? // Проблемы исторической лексикографии. Л.: Наука, 1977. С. 4–27.
25. Старовойтова О.А. Освоение слов с компонентом *acclimat-* в русском языке XIX века // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. Т. VIII, ч. 3. Русская историческая лексикология и лексикография XVII–XIX веков. к 50-летию Картотеки «Словаря русского языка XVIII века». СПб.: Наука, 2012. С. 218–235.
26. Старовойтова О.А. «Словарь русского языка XIX века» и проблема окказиональной лексики // Слово и текст в культурном сознании эпохи: Сборник научных трудов. Ч. 1 / Отв. ред. Г.В. Судаков. Вологда: ВГПУ, 2008. С. 201–207.
27. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. Т. I (А–кюрины). М.: ОГИЗ, 1935.
28. Харченко В.К. Переносные значения слова. 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 200 с.
29. Цейтлин Р.М. Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI в. М.: Наука, 1977. 336 с.
30. Шаповал В.В. Источниковедение и лексикография: план исследования на материале русских словарей // Научные труды МАДИ (ГТУ). М.: МАДИ, 2004. С. 41–60.
31. Шаповал В.В. Теория и практика верификации словарных данных на основе источников: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01, 10.02.19 / Московский городской педагогический университет. М., 2016. 686 с.
32. Шаховской А.А. Урок кокеткам, или липецкие воды // Шаховской А.А. Комедии, стихотворения. Вступ. стат., подг. текста и прим. А.А. Гозенпуда. Л.: Сов. писатель, 1961. С. 119–264.

NEW HISTORICAL DICTIONARY: THE PROBLEM OF RARELY FOUND LEXIS

The rarely found words are often sidelined from the sphere of lexicography. However, the “Dictionary of the XIX century Russian language”, being by nature a historical dictionary, follows the principles of interpretation of the facts of speech, captured in the texts of the period. Unique lexemes require special attention, comprehension, and study. In some cases they play an important role either in the replenishment of the vocabulary of the language, or in the representation of extra-linguistic reality.